

УДК 94(470)"1917":359

doi 10.17072/2219-3111-2018-4-68-76

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА КОРАБЛЯХ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА ОСЕНЬЮ 1917 ГОДА¹

Д. А. Бажанов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
dbazhanov@herzen.spb.ru

Рассматривается политическая борьба на кораблях Балтийского флота осенью 1917 г. Ее радикализация связана с подавлением выступления Л.Г. Корнилова. Отмечается, что эти настроения отразились в решениях общих собраний личного состава. Они были использованы леворадикальными политическими силами для увеличения своего влияния в центральных органах революционного самоуправления. Для этого применялась тактика отзыва более умеренных представителей. На процесс радикализации оказали воздействие комиссары Центробалта и Революционного комитета Финляндии, принадлежавшие к большевикам и эсерам-интернационалистам. Деятельность депутатов центральных представительных органов власти также стала ограничиваться через разработку «наказов». Все это приводило как к увеличению числа радикально настроенных депутатов, так и к «захвату» ими повестки работы органов революционной власти на Балтике, позволившим взять курс на конфронтацию и разрыв с Временным правительством и обусловившим позицию балтийских моряков в октябрьские дни. Такая деятельность «левого блока» находила поддержку со стороны личного состава, так как соответствовала представлениям о «народном характере» революционной власти. Однако в случае несовпадения мнений депутатов, в том числе относившихся к большевикам, и команд военные моряки могли отказываться от подчинения и им. Тем самым, радикализм и готовность к самостоятельным действиям закладывали важную проблему будущих взаимоотношений балтийских моряков и Советской власти – необходимость удерживать матросский радикализм под контролем..

Ключевые слова: Балтийский флот, комиссар, общие собрания, радикализация, Центробалт, революция 1917 г., судовые комитеты.

Вооруженные силы в условиях политической борьбы в стране играют зачастую решающую роль. Во время революционных событий 1917 г. военные приняли самое активное участие в смене власти: и в свержении монархии в феврале, и в ликвидации Временного правительства в октябре. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что революционным политическим силам следует влиять на солдат и моряков для достижения поставленных целей.

Корниловское выступление позволило в полной мере восстановить свои позиции леворадикальным силам, большевикам и эсерам-интернационалистам и включить в повестку дня вопрос о дальнейшем политическом пути страны. Их наиболее очевидными оппонентами в этих условиях являлись так называемые «соглашатели», т.е. эсеры и меньшевики. Формы борьбы между представителями радикалов и более умеренных социалистов, рост влияния первых в вооруженных силах представляются, таким образом, важными проблемами, разрешение которых давало возможность понять причину победы большевиков в Петрограде 24 – 25 октября 1917 г.

Переломные революционные события на Балтике августа – сентября 1917 г. привлекали внимание исследователей. Непосредственно к сюжету о положении на Балтийском флоте в дни корниловщины обратился В. П. Автухов [Автухов, 1924]. Он рассматривал ситуацию как противостояние команд и правительства, поддержанного офицерами. Введение института комиссаров В.П. Автухов оценил как временный «революционный контроль», вызванной неясной позицией офицерства [Автухов, 1924, с. 13]. Схожую точку зрения высказал позднее А. К. Дрезен [Дрезен, 1929, с. 178]. В то же время непосредственной связи между изменением системы управления и дальнейшей политической позицией моряков флота исследователи не видели.

В 1930-е гг. на первый план ученые стали выдвигать роль партии большевиков в революционизации вооруженных сил. Об этом свидетельствуют опросы, проводившиеся в 1933 – 1935 гг. в Ленинграде на вечерах воспоминаний моряков (ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 108. Л. 99–101). Такое

понимание было закреплено в одном из определявших дальнейший взгляд на революцию 1917 г. трудов – «Истории гражданской войны» [История Гражданской войны в СССР, 1935]. В главе «Армия и флот накануне Октябрьской революции» отмечались успехи большевизации вооруженных сил. Большевизация их осенью 1917 г. характеризовалась авторами как процесс создания «новых большевистских ячеек» в воинских частях и увеличение количества членов партии [История Гражданской войны в СССР, 1935, с. 255]. «Краткий курс истории ВКП(б)» представлял явление большевизации как увеличение количества депутатов-большевиков в местных органах власти – Советах [История Всесоюзной..., 1938, с. 193]. Этим иллюстрировались тезисы об осознанном выборе большевистских идей и объективности и неизбежности их прихода к власти. Такой подход нашел отражение в ряде общих работ, посвященных истории революции на Балтике [Богданов, 1955, с. 70–71; Дважды Краснознаменный..., 1990, с. 116; Сивков, 1946, с. 214; Столяренко, 1969, с. 115–116].

В 1960-е гг. проблемы большевизации стали анализироваться в специальных исследованиях, посвященных центральному органу революционной власти на Балтике – Центробалту [Блинов, 1969; Измайлов, Пухов, 1963; Хесин, Чугаев, 1963]. Они окончательно закрепили тезис об «огромной работе», проделанной Центральным комитетом Балтийского флота по «обеспечению активного участия балтийских моряков в Октябрьском вооруженном восстании», однако процессы, происходившие после подавления корниловщины, также сводились к росту численности большевиков [Блинов, 1969, с. 38; Хесин, Чугаев, 1963, с. 17]. В то же время А. М. Блинов в своей статье стремился представить ЦКБФ центром системы органов самоуправления – комитетов, как судовых, так и местных флотских, поэтому он упомянул и о роли комитетов как «центров по мобилизации матросских масс» [Блинов, 1969, с. 39]. Наличие разногласий в ЦКБФ в конце августа – сентябре, борьбу политических течений показали В. В. Петраш и С. С. Хесин. Они характеризовали его деятельность как нерешительную, подчинявшуюся «давлению матросских масс» [Петраш, 1966, с. 188–189; Хесин, 1977, с. 348–349].

Роль Советов в борьбе с корниловщиной на местах отмечал С. С. Хесин. На этом материале он предложил иное понимание «большевизации» – как союза большевиков с радикальными «низами» эсеров и меньшевиков [Хесин, 1977, с. 360; 1980, с. 35]. Подобных взглядов придерживались иностранные исследователи в этот же период [Mawdsley, 1978; Saul, 1978]. Затронула аналогичные процессы в Гельсингфорском Совете депутатов армии, флота и рабочих Е. Ю. Дубровская, показав также на конкретных примерах практику отзыва более умеренных депутатов [Дубровская, 1992, с. 132]. В то же время механизм, причины, мотивы отзыва остались исследователями неизученными.

Что касается местных органов самоуправления – комитетов, то как институт власти они рассматривались неоднократно [Андреев, 1975; Базанов, 1985; Миллер, 1974]. Одного они анализировались исключительно с позиции организаторов противостояния рядового и офицерского составов.

На современном этапе вопросы увеличения влияния политических сил на вооруженные силы остаются малоизученными. Исключение представляют работы К. А. Тарасова, где исследуются общеполковые собрания и комитеты частей столичного гарнизона как часть механизма воздействия радикальных партий, в первую очередь большевиков, на солдат весной – летом 1917 г. Автор показал их роль в изменении взглядов солдат Петроградского гарнизона [Тарасов, 2014]. Рассматривая события осени 1917 г., исследователь видел рост влияния большевиков не в увеличении численности большевистских ячеек или количества их представителей, а в переходе на их позиции других депутатов и создании так называемого «левого блока» [Тарасов, 2017, с. 220]. Указал автор и ряд практических мер, усиливавших позиции радикалов: переизбрание комитетов частей, замена депутатов. В то же время эти меры намечены, но не систематизированы, отчасти потому, что основным объектом исследования К. А. Тарасова стала военная организация большевиков. Таким образом, главной целью предлагаемой работы мы видим выявление механизмов, позволявших леворадикальным силам получить решающую роль в органах революционной власти на кораблях Балтийского флота. Это даст возможность понять как мотивы поддержки большинством моряков октябрьских событий, так и перспективы их сотрудничества с новой властью.

В борьбе за власть на Балтике выступление генерала Л. Г. Корнилова сыграло важнейшую роль. Моряки приняли активное участие в его подавлении. 29 августа Кронштадтский Совет по просьбе ВЦИК Советов направил в столицу вооруженный отряд, куда входило более 2 тыс. моря-

ков. Бурная деятельность по борьбе с корниловщиной развернулась в Финляндии, где находилась основная часть сил флота. 28 августа состоялось экстренное объединенное заседание Гельсингфорсского Совета, Центрального комитета Балтийского флота, Областного комитета Финляндии, а также представителей судовых и полковых комитетов. Его результатом стало решение об учреждении Революционного комитета, который наделялся чрезвычайными полномочиями по контролю за связью и военным управлением. В него вошло 13 членов Совета, по 4 члена от ЦКБФ, Областного комитета и Областного крестьянского Совета. Все распоряжения офицерского состава должны были санкционироваться им. Ревком также получил право назначать своих комиссаров в штабы и управления воинских частей (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 41. Л. 53). Другой мерой стало получение расписок у офицеров о поддержке правительства и готовности бороться с теми, кто поддержит Л. Г. Корнилова. В расписках они словно бы соревновались в выражении ненависти к корниловщине: от «проклятий» и «анафемы» до призывов расстрелять или повесить главнокомандующего и его «гносных приспешников» (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 103. Л. 2–228). Тех, кто пытался отказаться их подписывать или протестовать против формулировок расписок, арестовывали. В нескольких случаях этим не ограничились. 30 августа погиб начальник воздушной станции в Або лейтенант А.И. Макаревич. На линейном корабле «Петропавловск» лейтенант Б. П. Тизенко, мичманы Д.А. Кандыба, М. В. Кондратьев и К. М. Михайлов, отказавшиеся дать расписку предложенного образца, были 30 августа арестованы. На другой день при переправке на берег их убили конвоиры из числа экипажа (РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1941. Л. 1–3; Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 14. Л. 168; *Граф*, 1997, с. 326).

Готовность к насилию в борьбе за предоставленные революцией права свидетельствовали о радикализации настроений рядового состава Балтийского флота. Данное обстоятельство отразилось на деятельности тех органов власти, где представительство моряков было значительным. Наиболее показательной выглядела ситуация в ЦКБФ. Его заседания в начале сентября отразили резкое размежевание умеренных и радикальных депутатов. Основными вехами этого процесса стали обсуждение вопросов о гибели четырех офицеров «Петропавловска», о поднятии красных флагов после провозглашения России республикой 1 сентября, а также о выборах представителей ЦКБФ на Демократическое совещание в Петрограде. Кульминацией противостояния явилось принятие 14 сентября 22 делегатами Центробалта резолюции о недопустимом, с их точки зрения, поведении «левого крыла» по отношению к «умеренному меньшинству», а также решение о проведении II съезда моряков Балтики 15 сентября (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 25. Л. 26–27).

Выделяется два направления борьбы представителей радикальных политических партий за увеличение влияния в органах власти. Первое направление связано с вынесением на усмотрение личного состава вопроса о соответствии деятельности делегатов интереса выборщиков. На Балтике это предложение было внесено большевистской «Волной» еще в июне (А. Г., 1917; *Виноградов*, 1917; *Харламбиев*, 1917). Однако ни одного случая замены делегатов по этой причине до корниловского выступления обнаружено не было, а после июльских событий требования подобного рода перестали звучать. Заявление 30 августа на заседании ЦКБФ члена делегации личного состава кораблей, находившихся в финляндских шхерах, в бухте Лапвик, о том, что экипажи от своих представителей в революционных органах власти требуют выражать «только мнение масс», вновь обозначило проблему (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 6. Л. 83; *Протоколы и постановления...*, 1917–1918, с. 153–154).

Вторым направлением стало ограничение деятельности депутатов через подготовку «наказов» – своеобразных руководств к действию. Обнаружено три подобных документа, составленных в сентябре. О важности «деловой работы» и необходимости «подробнее разъяснить противоречия» между депутатами ЦКБФ говорилось в «Наказе», направленном своему представителю экипажем канонерской лодки «Храбрый» (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 14. Л. 335). К более тесному сотрудничеству с «революционной демократией» призывал экипаж крейсера «Баян» своего депутата в ЦКБФ эсера М. С. Торнина (РГАВМФ. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1. Л. 74). Пункт 3 «наказа» от 3-го дивизиона подводных лодок делегату Центробалта мичману В. Е. Де-Бальмену (Дебальмену, Бальмену) предусматривал, что депутата можно отозвать, если его деятельность не будет «строго деловой» и будет противоречить интересам «революционной демократии» (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 14. Л. 342). Так появился еще один повод для отзыва депутатов.

Выборы всех уровней на Балтике с первых революционных месяцев проводились на общих собраниях команд. Несмотря на существование с марта 1917 г. и постепенное увеличение роли в решении вопросов жизни экипажей, собрания никак не были учтены в сложившейся системе революционного управления. Органы местной власти – Советы, как и органы профессионального управления – местные комитеты и матросские секции, непосредственно взаимодействовали с корабельными комитетами. Наиболее массовые собрания проводились органами революционной власти совместно с представителями комитетов кораблей, находившихся в это время на базе. Таким было, например, заседание Центробалта 5 июля, когда решался вопрос о политической позиции кораблей Гельсингфорсской базы по отношению к событиям в Петрограде [Дубровская, 1992, с. 106–107]. 29 августа Центробалт подчинился решению РК Финляндии о проведении на кораблях общих собраний личного состава. Они созывались с целью опросить офицеров, «согласны ли они выступить вместе с частями для защиты ее органов или же стоять на стороне генерала Корнилова, и о решении их отобрать подписку с каждого» (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 41. Л. 99; ЦГАСПБ. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 113. Л. 194). Это был важный шаг к институционализации общих собраний на Балтике. Возможное установление военной диктатуры было чревато потерями «завоеваний революции», в том числе органов самоуправления. Поэтому сближение через общие собрания с «массой» позволяло повысить степень поддержки органов «революционной демократии».

Осенью 1917 г. стала увеличиваться роль общих собраний в управлении корабельной жизнью. Если весной – летом 1917 г. они созывались на большинстве кораблей от случая к случаю, то после корниловщины – значительно чаще. Проведение общих собраний стало протоколироваться, что позволило уточнить частоту их. Например, на крейсере «Баян» в марте – августе 1917 г. общие собрания команды проводились 5 раз, а в сентябре – октябре – 14 (РГАВМФ. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1. Л. 71–75). На минном заградителе «Волга» – 7 раз в весенне-летний период и столько же – в сентябре – октябре (РГАВМФ. Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 78. Л. 40–44). На линкоре «Гангут» общие собрания команды прошли, судя по данным вахтенного журнала, 12 раз, на дредноуте «Севастополь» – 10 (РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 3. Л. 77, 78, 79, 87, 93, 94; Д. 17. Л. 97, 99; Д. 18. Л. 9, 12–13, 17, 20, 27). Стало меняться содержание рассматриваемых вопросов. Если весной 1917 г. обсуждались вопросы, связанные с выборами в представительные органы власти, а также с исключением из состава экипажа, то осенью в сферу внимания собраний стали попадать вопросы, относившиеся к компетенции судовых комитетов: увольнение в отпуск, назначение в наряд, поддержание порядка на кораблях.

Решения, принимаемые общими собраниями, не было предсказуемыми. Зачастую они были связаны с авторитетом выступавших, с умением убедительно, понятно говорить. Например, 16 сентября общее собрание на линкоре «Гражданин» рассматривало вопрос о делегате Всероссийского крестьянского Союза П. Кортакове. Поначалу последовало предложение, поддержанное большей частью команды, одобрить его деятельность. Однако слово взял председатель судебного комитета О. Г. Саар. Он обвинил П. Кортакова в неактивности, отсутствии информации о его деятельности. Решающим стало обвинение в «заигрывании с правительством». После нескольких возгласов в адрес Кортакова «Долой!» председатель комитета предложил отказать ему в доверии и списать с корабля. На этот раз большинство выступило против своего депутата, приняв решение списать его во 2-й Балтийский флотский экипаж (РГАВМФ. Ф. 556. Оп. 1. Д. 149. Л. 15).

После подавления корниловского выступления влиятельной силой на кораблях стали комиссары, назначавшиеся ЦКБФ и Революционным комитетом Финляндии. Это объясняется правами, которыми они были наделены, а также высоким статусом, гарантированным революционной властью. Они имели право принимать участие в заседаниях судовых комитетов, визировать все постановления и резолюции, требовать отчета о выполнении их. На линкоре «Гангут», например, комиссара А. Санникова беспокоило в октябре состояние электротехнической части на корабле. В этой связи частыми были доклады председателя корабельного союза электриков Д. И. Иванова, о чем он сообщает в своих воспоминаниях (Иванов, 1987, с. 116). Отмечен случай создания комиссаром параллельной с контролем судового комитета системы контроля. На линейном корабле «Андрей Первозванный» вопросы наложения наказаний на опоздавших из увольнения решались некими «ротными комиссарами», подчинявшимися комиссару ЦКБФ А. Н. Кабанову (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 29. Л. 54; Д. 73. Л. 46).

Ряд случаев свидетельствует о влиянии радикально настроенных комиссаров на решение общих собраний о смене представителей в центральных органах власти. В частности, ставший в

начале сентября комиссаром ЦКБФ на дредноуте «Севастополь» большевик Я. А. Мохов инициировал вынесение на собрание вопроса о доверии представителю корабля в Гельсингфорском совете эсеру А. Барову. Несмотря на попытки члена судового комитета (будущего участника Кронштадтского мятежа) П. М. Перепёлкина защитить последнего, Я. А. Мохов заявил о «неблаговидной деятельности» А. Барова. В качестве доказательства он предъявил показания матроса П. Барановского, якобы выдававшего из кладовой сахар А. Барову. В результате Барановский был отстранен от должности кладовщика и посажен в карцер, а Баров заплатил штраф. После такого обвинения А. Баров и был выведен из состава Гельсингфорского совета и заменен эсером-интернационалистом К. Фокиным (РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 151. Л. 21, 23). Аналогичным образом по настоянию ставшего комиссаром ЦКБФ на линейном корабле «Полтава» большевика С. Б. Журавлева был подтвержден отзыв из состава Центробалта унтер-офицера С. Донченко (Данченко-ва) (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 14. Л. 430).

В случае отказа общего собрания менять своего представителя комиссары могли использовать другой вариант. Общее собрание личного состава 3-го дивизиона подводных лодок 25 сентября сохранило полномочия мичмана В. Е. Де-Бальмена, присоединившегося к резолюции 22 депутатов «умеренного меньшинства» в ЦКБФ от 14 сентября. В то же время его работа должна была регламентироваться «наказом», идея которого принадлежала назначенному комиссаром сочувствующему большевикам М. А. Кониному (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 14. Л. 342).

О процессе изменения политического состава депутатов Центробалта дает представление их список, составленный в период работы II съезда моряков Балтики (25 сентября – 5 октября) (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 14. Л. 356). Численность ЦКБФ составляла 60 чел. Из тех, кто участвовал в заседаниях ЦКБФ в июле – начале сентября (Протоколы и постановления..., 1917–1918, с. 84–173), 33 были отозваны. Не все они были заменены по политическим мотивам. Шесть человек (Н. Бурмистров, Гринёв, С. Б. Журавлев, В. Н. Кисляков, М. А. Конин, Н. Румянцев) были назначены комиссарами ЦКБФ в штабы и на корабли и не могли присутствовать на заседаниях, поэтому и были заменены. Процесс отзыва остальных был неодномоментным. В первой половине месяца было отозвано 23 чел. из умеренных депутатов, подписавших резолюцию. Еще трое (С. В. Васянин, И. Ершов и Т. Щука) были в числе тех, кто участвовал в составлении резолюции 14 сентября, т.е. они могли быть отозваны во второй половине месяца. В отношении члена ЦКБФ мичмана В. Е. Де-Бальмена составители списка допустили ошибку, исключив его из числа депутатов, ведь личный состав подлодок выразил ему в конечном счете доверие (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 14. Л. 342). В то же время дивизия траления 26 сентября постановила заменить своего представителя – врача А.А. Солонского, фамилия которого есть в списке действующих членов ЦКБФ (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 14. Л. 341). Таким образом, было отозвано 27 депутатов.

Большинство отозванных, 23 из 27 делегатов, являлись беспартийными, трое (П. Ершов, Т. Щука и И. И. Балакин) принадлежали к эсерам, еще один (Н. А. Логинов) – к меньшевикам. Поэтому утверждать, что произошло увеличение числа депутатов-большевиков, мы не можем. Выросло количество депутатов, готовых поддерживать более радикальные резолюции. Сами современники также не руководствовались партийной принадлежностью. Резолюция от 14 сентября направлена против «тактики левого крыла по отношению к членам умеренных направлений» (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 32. Л. 26). Поэтому смена депутатов, ограничение их деятельности «наказами» являлась не большевизацией, а радикализацией. Соотношение радикальной и умеренной частей Центробалта выглядит следующим образом. По подсчетам советских историков в состав ЦКБФ III созыва в начале его работы, т.е. в июле 1917 г., входило от 15 до 19 большевиков, 8 сочувствующих им, 18 «соглашателей», 19 беспартийных [Измайлов, Пухов, 1963, с. 84; Петраш, 1966, с. 189; Хесин, 1977, с. 306]. В сентябре беспартийным пришлось сделать выбор. 8 сентября, протестуя против результатов выборов на Демократическое совещание, куда попали 2 большевика (Н. А. Ховрин, А.В. Баранов) и 1 сочувствующий (А. Н. Кабанов), к умеренному лагерю себя отнесли 25 депутатов. 14 сентября резолюция, содержащая протест, была подписана уже 22 членами Центробалта. До конца месяца группа сократилась до 18 чел. Так называемое «левое крыло» стало наиболее влиятельной силой в ЦКБФ. Это и предопределило усиления конфронтации с Временным правительством, отразившееся в резолюции собрания Центробалта и представителей судовых комитетов от 19 сентября под председательством освобожденного после ареста П. Е. Дыбенко. В ней содержался отказ подчиняться распоряжениям до восстановления полномочий распущенного Центрофлота.

Аналогичные процессы отмечались Е. Ю. Дубровской в Гельсингфорсском совете. 9 сентября был переизбран его исполнительный комитет. От матросской секции в него вошло 25 чел., причем не менее 4 депутатов (эсеры К. Толстов, А. Баров, Кислов и меньшевик Клявин) не только не попали в комитет, но и были выведены избирателями из состава Совета вообще [Дубровская, 1992, с. 133].

В то же время контролировать, насколько далеко готовы пойти личные составы в своих требованиях, не могли порой и радикальные депутаты. Примером служат события в Рижском заливе, когда члены созданного 30 августа комитета Морских сил Рижского залива (МСРЗ) разошлись с представителями Центробалта Д. С. Воскресенским и А. И. Тупиковым в вопросе о полномочиях комиссаров. Посланцы Центробалта настаивали на формуле, одобренной ЦКБФ 28 августа: комиссары должны иметь право контроля в штабе «исключая оперативные действия» (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 6. Л. 83; Протоколы и постановления..., 1917–1918, с. 155). Однако делегаты МСРЗ постановили передать комиссарам полномочия, одобренные Революционным комитетом Финляндии, т.е. вместе с функцией контроля всех оперативных распоряжений. Когда Д. С. Воскресенский пробовал протестовать, вопрос был передан на рассмотрение собраний экипажей кораблей МСРЗ. В тот же день команды приняли постановление о «всестороннем контроле». Комитет, ссылаясь на них, продублировал это решение. В течение первой половины сентября комиссар, которым избрали Я. Зотова, осуществлял контроль над оперативными приказами. Аналогичная ситуация сложилась и на отдельных кораблях, где этим занимались судовые комитеты, опираясь на мнение своих общих собраний (Приложение № 4..., 1998, с. 84–85).

Деятельность комитета и общих собраний в Рижском заливе вызывала в сентябре тревогу и недовольство в Центробалте, в том числе среди «левого крыла». 14 сентября состоялись переговоры командующего флотом контр-адмирала А. В. Развозова и исполнявшего обязанности председателя ЦКБФ большевика Ф. С. Аверичкина. О позиции комитета МСРЗ Аверичкин сообщил: «Представители Рижского залива настаивают ... говоря, что настроение команды таково, что они не могут гарантировать безопасность лиц, которые будут противиться введению контроля ... вообще, работа с каждым днем становится все труднее, и я чувствую, что близко то время, когда мне придется сложить полномочия» (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 52. Л. 9). Полагаем впечатление А. В. Антонова-Овсеенко от II съезда моряков Балтики, согласно которому «масса идет через нашу голову» (Переписка Секретариата ЦК..., 1957, с. 294), совпадает с эмоциональным заявлением Ф.С. Аверичкина.

Таким образом, перераспределение влияния в органах власти на кораблях Балтийского флота достигалось двумя способами. Во-первых, отзывом командами своих представителей из центральных органов власти, в первую очередь из Центробалта. Это имело двойкие последствия. С одной стороны, уменьшалось число политических оппонентов, с другой – те, кто сохранял нейтралитет, должны были делать выбор, примыкая к одному из условно сложившихся блоков – умеренному или радикальному. Во-вторых, ограничением деятельности некоторых флотских представителей умеренного направления через принятие «наказов», неисполнение которых также было чревато отзывом. В этих условиях леворадикальный блок увеличил свою численность в органах власти на флоте, он диктовал повестку работы, определил курс на конфронтацию с Временным правительством.

Подобная ситуация стала возможна благодаря увеличению роли и фактической институционализации на кораблях такого органа власти, как общее собрание. Ставка на него была сделана в дни выступления генерала Л. Г. Корнилова для создания более прочной опоры представительных органов революционной власти. Благодаря возможности открыто выражать свое отношение к рассматриваемым вопросам, а также сходству с политическими митингами собрания воспринимались личным составом кораблей как свидетельство «революционной демократии» в управлении. В указанный период собрания расширили перечень обсуждаемых вопросов, стали проводиться чаще, чем в предыдущие месяцы, их деятельность стала протоколироваться по образцу судовых комитетов.

Эти настроения, несомненно, использовали представители «левого крыла», в ряде случаев прямо провоцировавшие собрания на обсуждение действий и морального облика тех представителей, которые относились к «соглашателям». Особенно эффективно данный прием работал, когда представители этих партий занимали должности комиссаров на кораблях. Пользуясь своим стату-

сом и правами контроля, они сосредоточивали в своих руках управление органами корабельного самоуправления – комитетами и общими собраниями. При этом перечисленные особенности функционирования общих собраний, обеспечившие свободу выражения мнения, способствовали проявлению готовности противостоять любому посягательству на эту свободу. Это касалось и собственных органов власти, как в случае с ЦКБФ и Комитета МСРЗ в начале сентября 1917 г. Именно в этом можно видеть истоки будущих конфликтов балтийских моряков с теми силами, которые придут к власти в октябре 1917 г.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00466.

Список источников

Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 315. Оп. 1. Д. 1941. Л. 1–3; Ф. 556. Оп. 1. Д. 149. Л. 1–15; Ф. 870. Оп. 6. Д. 3. Л. 1–94; Д. 17. Л. 1–99; Д. 18. Л. 1–30; Ф. 878. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–23; Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–84; Д. 14. Л. 1–430; Д. 25. Л. 1–27; Д. 29. Л. 1–54; Д. 41. Л. 1–144; Д. 52. Л. 1–9; Д. 73. Л. 1–46; Д. 103. Л. 1–228; Д. 297. Л. 1–168; Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–75; Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 78. Л. 1–44.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 9618. Оп. 1. Д. 113. Л. 1–194; Д. 108. Л. 1–101.

А. Г. Будьте последовательны // Волна. 1917. 5 июня. С. 2.

Виноградов Д. Письмо в редакцию // Волна. 1917. 2 июня. С. 4.

Граф Г. К. На «Новике». СПб.: Изд-во «Гангут», 1997. 488 с.

Иванов Д. И. Я – матрос «Гангута»! М.: Воениздат, 1987. 286 с.

Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март – октябрь 1917 г.): Сб. док. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 573 с.

Приложение №4 к Отчету о действиях Морских сил Рижского залива 29 сентября – 7 октября 1917 г. // Морская историческая комиссия. СПб.: Изд-во РГАВМФ, 1998. Т. 1. С. 84–85.

Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота 1917–1918. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 477 с.

Харлампиев М. Письмо из Кронштадта // Волна. 1917. 4 июня. С. 3.

Библиографический список

Mawdsley E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet. War and Politics: February 1917 – April 1918. London: Macmillan, 1978. 213 p.

Saul N. Sailors in Revolt. The Russian Baltic Fleet in 1917. Lawrence: Regents Press of Kansas, 1978. 312 p.

Автухов В. П. Корниловщина // Морской сборник. 1924. № 8. С. 1–16.

Андреев А. М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М.: Мысль, 1975, 344 с.

Базанов С. Н. В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия. М.: Наука, 1985. 160 с.

Блинов А. М. Центробалт // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 28–42.

Богданов А. В. Моряки-балтийцы в 1917 г. М.: Воениздат, 1955. 242 с.

Дважды Краснознаменный Балтийский флот / под ред. Н.А. Ступникова. М.: Воениздат, 1990, 340 с.

Дрезен А. К. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г. // Красная летопись. 1929. № 5. С. 157–212.

Дубровская Е. Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 г. (март – октябрь). Петрозаводск: Б.и., 1992, 173 с.

Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. М.: Б.и., 1963. 238 с.

История Гражданской войны в СССР. Т. 1 / под ред. М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина. М.: Гос. изд-во «История Гражданской войны», 1935. 349 с.

История Всесоюзной Коммунистической партии большевиков: Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М.: Правда, 1938. 352 с.

- Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (возникновение и начальный период деятельности). М.: Наука, 1974. 319 с.
- Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л.: Наука, 1966. 268 с.
- Сивков П. З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. М.: Воен. изд-во Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1946. 280 с.
- Столяренко М. А. Сыны партии – балтийцы. Л.: Воениздат, 1969. 144 с.
- Тарасов К. А. Роль общеполковых собраний и митингов в борьбе за власть в Петроградском гарнизоне в марте – июле 1917 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2014. Вып. 4. С. 182–188.
- Тарасов К. А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 г. – март 1918 г.). СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 376 с.
- Хесин С. С. Моряки в борьбе за Советскую власть. М.: Наука, 1977. 176 с.
- Хесин С. С. Падение влияния непролетарских партий на флоте в 1917 г. // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 35–46.
- Хесин С. С., Чугаев Д. А. Центральный комитет Балтийского флота // Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота 1917–1918 / под ред. Д.А. Чугаева. М.; Л.: Б.и., 1963. С. 5–30.

Дата поступления рукописи в редакцию 14.10.2018

RADICALIZATION OF POWER INSTITUTIONS ON BALTIC NAVY SHIPS IN AUTUMN 1917

D. A. Bazhanov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Moika emb., 48, 191186, St. Petersburg, Russia
dbazhanov@herzen.spb.ru

The article is devoted to political struggle on the ships of the Baltic Fleet in the fall of 1917. The author identifies the sources of a surge of radicalization in the days of Lavr Kornilov's suppression. Later, according to the author, these sentiments were manifested in the decisions of general personnel meetings. They were used by left-wing political forces to increase their influence in the central bodies of the revolutionary self-government. The establishment of extraordinary posts of commissars, as well as the transformation of general command meetings into a full-fledged governing body of ships and parts of the Baltic Fleet, became definite steps that affected the redistribution of the influence in the government. General meetings reflected the characteristics of changing moods. Their decisions also demonstrated the fear of losing what the revolution gave to the lower ranks, i.e. the ability to influence the discussion of various issues of those times, as well as to make decisions on issues affecting their living conditions and military service. At the same time, there was a readiness to fight radically with those who appeared to be opponents of their rights. The decisions to repress and arrest those representatives of the commanding staff who refused to demonstrate loyalty were connected with that willingness to fight. In September, general meetings using the right to recall representatives changed the balance of the power in the Tsentrobalt and Helsingfors Council, where, before that, the position of the Socialist Revolutionary Internationalists and the Bolsheviks were not predominant. The representatives of the "left bloc" undoubtedly enjoyed this spirit, in some cases directly provoking meetings to discuss the actions and moral character of their representatives. Reception was especially effective in cases where representatives of those parties occupied the posts of commissars on ships. Using their status and rights of control, they concentrated in their hands the management of the ship self-government organs – committees and general assemblies. As a result, such changes in the control system on the ships of the Baltic Fleet became an indicator of a surge in radical sentiment. At the same time, they brought it in line with the ideas of, first and foremost, the sailors' masses concerning a fair, democratic government. The parties, whose representatives took into account and, to a certain extent, were ready to indulge these sentiments, received massive support from a very real and effective force - the sailors of the Baltic Fleet.

Key words: Baltic Fleet, commissar, common assemblies, radicalization, Revolution of 1917, ship committees, Tsentrobalt.

References

- A.G. (1917), "Be consistent", *Volna*, 1917, 5 june.
- Andreev, A.M. (1975), *Soldatskie massy garnizonov russkoy armii v Oktyabrskoy revolyutsii* [Soldier masses of the Russian Army garrisons in the October revolution], Mysl, Moscow, Russia, 344 p.

- Avtukhov, V.P. (1924), "Kornilovtchina", *Morskoy sbornik*, no. 8, pp. 1–16.
- Bazanov, S.N. (1985), *V bor'be za Oktyabr' na Severnom fronte. 5-ya armiya* [In the struggle for October on the Northern Front. 5th Army], Nauka, Moscow, Russia, 160 p.
- Blinov, A.M. (1969), "Tsentrobalt", *Voprosy istorii*, no. 11, pp. 28–42.
- Bogdanov, A.V. (1955), *Moryaki - baltiysy v 1917 godu* [Sailors from the Baltic in 1917], Voenizdat, Moscow, Russia, 242 p.
- Dubrovskaya, Ye.Yu. (1992), *Gel'singforsskiy Sovet deputatov armii, flota i rabochikh v 1917 godu (mart – oktyabr')* [Helsingfors Council of Deputies of the Army, Navy and Workers in 1917 (March-October)], KNZ RAN, Petrozavodsk, Russia, 173 p.
- Dvazhdy Krasnoznamenny Baltiyskiy flot* [Double Red Flag Baltic Naval], (1990), Voenizdat, Moscow, Russia, 340 p.
- Graf, G.K. (1996), *Na "Novike"* [On "Novik"], Gangut, St Petersburg, Russia, 488 p.
- Istoriya Grazhdanskoy voyny v SSSR* [History of the Civil War in the USSR] (1935), vol. 1, Gosudarstvennoye izdatel'stvo «Istoriya Grazhdanskoy voyny», Moscow, Russia, 349 p.
- Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii bol'shevikov. Kratkiy kurs* [History of All-Union Communist Party of Bolsheviks. Brief course] (1938), Pravda, Moscow, Russia, 352 p.
- Ivanov, D.I. (1987), "Ya – matros «Ganguta!»" [I am a sailor of the "Gangut"!], Voenizdat, Moscow, Russia, 286 p.
- Izmailov N.F. & A.S. Pukhov (1963), *Tsentrobalt* [Tsentrobalt], Voenizdat, Moscow, Russia, 238 p.
- Kharlampiev, M. (1917), "The letter from Kronstadt", *Volna*, 4 June.
- Khesin, S.S. (1977), *Moryaki v borbe za Sovetskuyu vlast* [Sailors in the struggle for the Soviet power], Nauka, Moscow, Russia, 176 p.
- Khesin, S.S. (1980), "The decline of the influence of non-proletarian parties on the fleet in 1917", *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 35–46.
- Khesin, S.S., Chugaev, D.A. (1963), "Central Committee of the Baltic fleet. Introduction", in *Protokoly i postanovleniya Tsentralnogo komiteta Baltiyskogo flota 1917-1918* [The protocols and rulings of the Central Committee of the Baltic fleet, 1917-1918], AN SSSR, Moscow, Leningrad, Russia, pp.5-30.
- Mawdsley, E. (1978), *The Russian Revolution and the Baltic Fleet. War and Politics: February 1917 – April 1918*, Macmillan, London, UK, 213 p.
- Miller, V.I. (1991), *Soldatskiye komitety russkoy armii v 1917 godu (vozniknoveniye i nachalnyy period deyatel'nosti)* [Soldiers' committees of the Russian army in 1917 (appearance and the first period of activity)], Nauka, Moscow, Russia, 319 p.
- Perepiska Sekretariata TsK RSDRP(b) s mestnymi partiynymi organizatsiyami (mart-oktyabr 1917)* [Correspondence of the Secretariat of Central Committee of the RSDLP(b) with local party organizations (March – October, 1917)], (1957), Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, Moscow, Russia, 573 p.
- Petrash, V.V. (1966), *Moryaki Baltiyskogo flota v bor'be za pobedu Oktyabrya* [The Baltic Navy sailors in the struggle for the victory of October], Nauka, Moscow, Russia, 268 p.
- Protokoly i postanovleniya Tsentralnogo komiteta Baltiyskogo flota 1917-1918* [The protocols and rulings of Central Committee of Baltic fleet 1917-1918], (1963), AN SSSR, Moscow, Leningrad, 477 p.
- Saul, N. (1978), *Sailors in Revolt. The Russian Baltic Fleet in 1917*, Regents Press of Kansas, Lawrence, USA, 312 p.
- Sivkov, P.Z. (1946), *Moryaki Baltiyskogo flota v bor'be za vlast' Sovetov* [Sailors of the Baltic Fleet in the struggle for the power of the Soviets], Voennoye izdatel'stvo Ministerstva Vooruzhennykh Sil Soyuza SSR, Moscow, Russia, 280 p.
- Stolyarenko, M.A. (1970), *Syny partii-baltiysy* [The sons of the party are Baltics], Voenizdat, Moscow, Russia, 144 p.
- Tarasov, K.A. (2014), "The role of the all-regiment assemblies and meetings in the struggle for the power in Petrograd garrison in March – July, 1917", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Seria 2, Istoriya, Vol. 4, pp. 182–188.
- Tarasov, K.A. (2017), *Soldatskiy bol'shevizm. Voyennaya organizatsiya bol'shevikov i levoradikal'noye dvizheniye v Petrogradskom garnizone (fevral' 1917 g. – mart 1918 g.)* [Soldiers' Bolshevism. Military organization of the Bolsheviks and left-radical movement in the Petrograd garrison (February 1917 - March 1918)], Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia, 376 p.
- Vinogradov, D. (1917), "Letters to the edition", *Volna*, 2 June.